

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ факторы и этапы угасания

«7-го февраля открывается ярмарка в гор. Ирбите. На ярмарку придут все тресты и синдикаты центральной России с большими партиями товаров, в том числе, ружьями, порохом, дробью. Необходимо всей Сибири быть на этой ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКЕ»
(Из торговой рекламы 1920-х годов.)

Происходивший в 1920-е годы закат когда-то знаменитой на всю Россию Ирбитской ярмарки был в известной степени предопределен уже в конце XIX в. заметными изменениями региональной экономической структуры страны, перемещением главных транспортных артерий, влиявших на направления крупнейших товарных потоков страны. Помимо решающего воздействия вновь построенной Транссибирской магистрали на перегруппировку торговых связей, существенным фактором спада ярмарочной торговли к началу XX в. становился общий прогресс хозяйства, сопровождавшийся интенсификацией рыночного обмена, по крайней мере, в обжитой части страны, которая на востоке тяготела к линии Транссиба. Как отмечал один из наблюдателей в начале 1920-х годов, даже здесь «связи между отдельными районами и с зарубежными рынками настолько усилились, упрочились и приняли постоянный характер, что для торговых оборотов незачем было искать определенных пунктов, хотя бы и освященных историческими традициями»¹. В порядке общей экономической тенденции ярмарка, как форма крупной оптовой торговли, объективно должна была вскоре отойти в прошлое, уступив место крупной биржевой торговле в крупных торгово-промышленных центрах. Однако сохранять свое решающее значение ярмарки еще могли главным образом на периферии, где распыленный мелкий производитель (часто туземный, вообще слабо втянутый в экономическое и культурное общение) еще в недостаточной степени мог быть охвачен современным капиталистическим рынком и где в полной мере еще действовали полустихийные механизмы товарного «самотёка» — традиционного своза товарных ресурсов в привычные и удобные для торгового места.

Эта тенденция еще до первой мировой войны отразилась на изменении общей геоэкономической ориентации Ирбитской ярмарки. С 1890-х годов, в связи с прокладкой Транссиба, постепенно наблюдалась утрата Ирбитом прежде важнейшей торгово-распределительной функции, а именно: роли перевалочного пункта, из которого в восточные регионы

страны (прежде всего, в Сибирь) поступали, в основном, мануфактура (бумажные ткани) и шерстяные изделия из Европейской России (в 1881 г. — на общую сумму около 26,5 млн. руб.), а в центральные районы страны — оптовые партии байхового и кирпичного чая, шедшего из Китая через Сибирь в значительных объемах (в 1881 г. — на сумму 6 млн. руб.)². Открытие чайных складов в узловых пунктах схождения транзитных путей (прежде всего на Транссибе) достаточно быстро превратило Ирбит из крупнейшего распределительного центра, ежегодно диктовавшего цены на чай для огромного потребительского рынка, в периферийный пункт чайной торговли, обслуживавший почти исключительно уральские заводы и часть территорий Севера. Сбыт в Ирбите, так называемых, «европейских» товаров (мануфактура, галантерея, сукно, готовое платье, швейные машинки и др.) и закупки сибирского сельскохозяйственного сырья также быстро замирали в связи с ростом в самых отдаленных частях Азиатской России торгового аппарата (устройство оптовых складов, магазинов крупных фирм, выписка товаров непосредственно из центра, развертывание деятельности коммивояжеров и закупочных агентов). В связи с удаленностью Ирбита от главных железнодорожных путей даже торговля продукцией уральских заводов (железо, скобяной товар и т.п.) стала производиться здесь, главным образом, по образцам (то есть с оставлением главных партий товара на складах в железнодорожных узлах)³.

С сокращением проходивших через Ирбит встречных потоков мануфактуры и чая стал резко возрастать оборот на ярмарке сибирской пушнины (с 2,6 млн. руб. в 1891 г. до 8—9,5 млн. руб. в начале 1910-х годов), которая концентрировалась здесь с огромных по площади северных территорий — из Якутии, с Енисейского и Обского Севера. Перед первой мировой войной в Ирбите реализовывалось около половины всей пушнины, добываемой в Сибири⁴ и, возможно, в России в целом⁵. Продукты северного рыболовства (соленая и вяленая рыба, рыбий жир, клей и др.) поступали на Ирбитскую ярмарку, в основном, с низовьев Оби через оптовый рынок Тобольска (функционировавший с середины сентября до начала октября), расходясь затем отсюда до Нижнего Новгорода, Москвы и Петербурга.

Несколько меньшее, но все же заметное значение в обороте северных товарных ресурсов на Ирбитской ярмарке имели поступления в зимнее время пушнины и рыбы с Уральского Севера. Перед революцией 1917 г. территории Северного Урала (по рр. Лозьве и Пелыму, Ивдельский край) обладали еще немалыми ресурсами добычи соболя. Из Никито-Ивделя, где купцами производился промежуточный торг с вогульскими охотниками и рыбаками (за вино, оружие, охотничьи припасы, галантерею и др.), гужевым путем, на лошадях, через Всеволодо-Благодатское — Богословский завод — Верхотурье, вся пушнина и рыба сво-

зились на Ирбитскую ярмарку ⁶. Третьим важнейшим источником поступления пушнины были районы Северного Приуралья (бассейны рр. Печоры и Вычегды), откуда через пристань Якушу (на верхней Печоре) и далее через Чердынь в предвоенные годы, по ориентировочным данным, провозилось в направлении Ирбитской ярмарки до 100 тыс. шкурок белки, до 300 — куницы и соболя, 3 тыс. — зайца, свыше 30 тыс. — горностая и до 300—400 — другой ценной пушнины ⁷.

Однако усилившаяся с проведением Транссибирской магистрали ориентация оборотов Ирбитской ярмарки на северные ресурсы пушнины и рыбы также таила известные факторы неопределенности. Проблема заключалась в том, что начиная еще с конца 1870-х годов, в соответствии с объективно возрастающей заинтересованностью сибирских (прежде всего тобольских и тюменских) предпринимателей и купцов в открытии порто-франко в устьях Оби и Енисея (одна из основных экономических идей сибирских «областников») для прямой экспортной связи с европейскими рынками, начали разрабатываться проекты детальных гидрографических исследований устья Оби и Обской губы, а также условий морского плавания по Карскому морю. В сентябре 1883 г. Министерство финансов вышло с предложением к тобольскому губернатору привлечь средства местного купечества (в дополнение к средствам казны) на осуществление этих крупномасштабных научно-исследовательских задач. По иронии судьбы, совещание пароходовладельцев, купцов, промышленников и финансистов Урала и Западной Сибири, призванное решить этот вопрос, было создано в феврале 1884 г. в Ирбите во время ярмарки. Однако участники совещания отнеслись к затее скептически, посчитав целесообразным вернуться к вопросу о своем финансовом участии в завершающих обследованиях устья Оби только после того, как появится ясность относительно надежности свободного морского прохода через Карское море в Обскую губу ⁸. Очевидно, что консерватизм и осторожность урало-сибирского купечества тем самым фактически продлили существование Ирбитской ярмарки, поскольку открытие экспортного пути через устье Оби и Карское море могло существенно сократить поступления рыбы и пушнины на Ирбитскую ярмарку и, напротив, усилить экономические позиции давних соперников Ирбита — тюменских и тобольских купцов. Известно, в частности, что еще в конце 1840-х годов тобольский гражданский губернатор ходатайствовал перед правительством о перемещении Ирбитской ярмарки в Тюмень для поднятия здешних доходов. Возникшая еще в XVIII в. Тюменская ярмарка, находясь в соседстве с привычным для купечества Ирбитским торгом, в 1848 г. характеризовалась очень незначительными оборотами: 400—600 тыс. руб. против 30 млн. руб. общего торгового оборота, зафиксированного в это же время на Ирбитской ярмарке ⁹. Однако уже перед первой мировой войной, когда торгово-экономическое

значение Транссиба существенно подкрепило позиции Тюмени (ранее связанные с обслуживанием грузового оборота в системе Обь-Иртышского бассейна) как перевалочного пункта движения сибирского сырья, здешняя ярмарка значительно сблизилась по размерам оборота с Ирбитской. В 1911 г. торговый оборот Тюменской ярмарки достиг более 12,5 млн. руб.; в Ирбите в лучшем по результатам из предвоенных лет 1913 г. был зафиксирован совокупный торговый оборот в 19,6 млн. руб. (при очень высокой норме непроданных на ярмарке товаров — до 20%)¹⁰. В предвоенный период на концентрации северных заготовок пушнины специализировались уже и другие ярмарки Урало-Сибирского региона (Тюменская, Ишимская, Обдорская, Сургутская, Якшинская), имевшие хотя и более скромное, в основном местное, значение, но в конечном итоге связанные с иными, более благоприятными, чем у Ирбита, транспортными альтернативами сообщения с центральной Россией и странами Европы. Опасения относительно утраты Ирбитом своей торгово-распределительной роли на уральском и сибирском Севере, еще в 1880-х годах казавшиеся немыслимыми, со всей остротой всплыли в начале 1920-х годов, когда значительный, связанный с военным лихорадочным контролем со стороны государства за положением дел на северных окраинах страны. Решение Совета труда и обороны РСФСР возобновить зимой 1922 г. работу Ирбитской ярмарки во многом было связано как раз с тревогой по поводу контрабандной утечки пушнины за границу через Обскую губу и устье Енисея¹¹. Вероятными такие опасения делала почти полная дезорганизация продовольственного и товарного снабжения северных промысловых территорий, в связи с чем происходило свертывание нормального экономического обмена и резкое снижение поставок пушнины к местам торгова.

Кроме того, известную конкуренцию стягиванию пушнины в Ирбит создавала развившаяся с начала 1920-х годов активность (особенно со стороны Сибревкома) по формированию грузов для оживления Северного морского пути и возобновления Карских экспедиций. Это касалось, прежде всего, ресурсов пушнины, поступавших с территории Якутии. Особоуполномоченным СТО по Севморпути и Комитетом Севморпути Сибревкома в 1922 г. в адрес Ярмарочного комитета делались предложения направить Северным морским путем (со ссылкой на низкую пропускную способность железных дорог) экспорт всей пушнины, концентрируемой в Ирбите¹². Очевидно, что рано или поздно это перемещение путей вывоза могло в значительной степени обескровить обороты только что возобновившейся Ирбитской ярмарки.

Проведенная без достаточной подготовки, почти в экстренном порядке, Ирбитская ярмарка 1922 г. продемонстрировала очень скромные коммерческие итоги, в еще меньшей степени она отвечала расчетам

советского руководства, связанным с попыткой замкнуть на государственный и кооперативный сектор торговли поставщиков северной пушнины. По итогам ярмарки у госорганизаций осталось 85 % непроданного товара, у кооперативов — 64 %. На этом фоне наблюдалось полное преобладание в Ирбите частных торговцев и значительный объем безденежных товарообменных сделок (около 3/4 оборота). Анализируя причины этой неудачи, известный уральский экономист и краевед Д. М. Бобылев обращал внимание не только на сохранявшуюся после гражданской войны изолированность местных рынков и недостаток информированности, но и на совершенно неверный учет в 1922 г. (прежде всего, госорганизациями и кооперативами) изменившегося характера Ирбитской ярмарки, ставшей за предвоенные годы главным образом формой торговой связи с сибирскими заготовителями пушнины, промысловым туземным населением обширных северных окраин. В связи с этим возникала необходимость привлечения сюда товаров (в том числе и так называемой «европейской» мануфактуры и галантереи) вполне определенной номенклатуры, приспособленной к запросам промыслового населения Сибири, особенностям его хозяйства. Государственные скупщики пушнины и кооператоры слабо сориентировались на эту структуру спроса, в результате чего «привезенный товар менее всего соответствовал потребностям преобладающего контингента покупателей»: были привезены товары, не нашедшие спроса, например, фарфоровые и фаянсовые сервизы, вино, косметика, трикотажные изделия и др.¹³.

Следующая Ирбитская ярмарка оказалась по результатам более успешной. По официальным данным ярмарочного статбюро, объем реализованной на ярмарке пушнины составил почти 570 тыс. шкур общей стоимостью более 10 млн. руб. в ценах 1923 г. (16 % общего ярмарочного оборота). Однако по сравнению с предвоенным временем оборот ярмарки 1923 г. оказался более чем скромным — лишь 12,3 % от оборота 1913 г.¹⁴ Даже специализационный профиль ярмарки, связанный с заготовками пушнины, во многом оказался нереализованным. С выходом страны из военного коммунизма серьезную конкуренцию Ирбитской ярмарке в сезоны 1922—1923 гг. составили полустихийные заготовки пушнины на Севере, проводившиеся на свой страх и риск различными торгово-заготовительными организациями, в том числе и теми, которые никогда не имели дела с этим видом заготовок («Хлебопродукт», Уралцентросоюз, Тобольский Областрыбпром, Уралгосторг, местные губпотребсоюзы, ГУМ, кооператив ВПСО, Кустпром, Кедропром, Текстильсиндикат, Пайторг, Госмолоко и др.). Экспортный «бум», охвативший страну, подтолкнул к заготовкам пушнины, как наиболее ликвидного товарного ресурса, организации и частных торговцев из самых отдаленных центров Европейской России — Петрограда (Союз петроградских прачек, Петроградское ЕПО), Минска и др.¹⁵ Эта активность сопровож-

далась не только хищнической (и в этом смысле вполне сопоставимой со старой, купеческой) эксплуатацией туземцев, спекулятивным взвинчиванием — в условиях послевоенного бестоварья — цен на хлеб и охотничьи припасы ¹⁶. Децентрализация заготовок пушнины в свою очередь вела к оттоку ее ресурсов от Ирбитской ярмарки и невозможности достаточно объективного определения котировочных оптовых цен на различные виды меха. В то же время на неорганизованном частном рынке пушнины наблюдалось резкое спекулятивное повышение цен. В результате на Ирбитских ярмарках 1922 и 1923 гг. средние цены на пушнину значительно превышали ориентировочные цены ее предложения на европейском (в первую очередь, германском) рынке, то есть в значительной мере оказывались запретительными для экспорта.

В конечном счете возможности расширения обозначившейся сырьевой направленности Ирбитской ярмарки в условиях неспособности государства совладать с частным торговцем оказались во многом заблокированными. Расширению же оборотов ярмарки за счет промышленной номенклатуры и превращению ее в крупнооптовую биржу препятствовало тупиковое транспортное положение города. Как результат, у советского руководства (прежде всего, у руководящих органов самой Уральской области) созрело решение о переносе ярмарки республиканского значения в Свердловск. Это решение было зафиксировано уже постановлением Уралоблисполкома от 17 ноября 1924 г. Тогда же для проработки вопроса и практической работы в этом направлении было создано специальное организационное бюро. Однако решение было не сразу одобрено в центре, для которого сам перенос традиционного места торгова казался неоправданным риском. 10 января 1925 г. стало известно, что ЭКОСО РСФСР признал необходимым сохранение Ирбитской ярмарки и отказал в создании Свердловской ярмарки. Лишь 20 января в Свердловск поступило постановление СНК РСФСР 16 января 1925 г., в котором вопрос о переносе республиканской ярмарки в Свердловск был решен положительно и окончательно ¹⁷. Ирбитская же ярмарка должна была и продолжала существовать как местная, обеспечивавшая внутривральский оборот, однако ее дальнейшее существование, по общим условиям времени, оказалось непродолжительным. В 1930 г. ярмарки как форма оптовой торговли вообще были упразднены (кроме ярмарок в кочевых районах) ¹⁸.

¹ Н-ий. Уралгосторг и Ирбитская ярмарка // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1922. Октябрь — ноябрь. № 1. С. 4.

² Урал. Техничко-экономический сборник. Вып. 6-й. Под ред. В. Е. Грум-Гржимайло. Екатеринбург, 1923. С. 205.

³ Бобылев Д. Восстановление Ирбитской ярмарки // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1922. Октябрь — ноябрь. № 1. С. 6—7.

- ⁴ Урал. Техничко-экономический сборник. Вып. 6-й. 1923. С. 206.
- ⁵ Ориентировочные статистические данные, выведенные по предвоенным цифрам ежегодного прохождения через Ирбитскую ярмарку самого массового пушного товара — беличьих шкурок (6—8 млн. шкурок из 12—15 млн., ежегодно добывавшихся в России). См.: Вторая Ирбитская советская ярмарка 1923 г. Екатеринбург, 1923.
- ⁶ Гензель В. А. По долинам рек Свердловской области. Историко-географические экскурсии. Свердловск, 1947. С. 33.
- ⁷ Бобылев Д. М. Экспортное хозяйство Урала, как экономическая проблема. Екатеринбург, 1924. С. 21.
- ⁸ Пинхенсон Д. М. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. II. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. С. 197, 203.
- ⁹ Лебедева А. А. Русские Притоболья и Забайкалья. Очерки материальной культуры. XVII — начало XX века. М., 1992. С. 104—105.
- ¹⁰ Бобылев Д. Восстановление Ирбитской ярмарки. С. 6.
- ¹¹ Герштейн Я. Л., Смирных А. И. Ирбит. Свердловск, 1977. С. 48.
- ¹² РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 87. Л. 19.
- ¹³ Бобылев Д. Восстановление Ирбитской ярмарки. С. 9—10.
- ¹⁴ Ирбитская ярмарка // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1923. Апрель. № 4. С. 5.
- ¹⁵ Каменев Т. К вопросу о регулировании заготовок пушнины // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1923. Март. № 3. С. 2.
- ¹⁶ Там же. С. 2; Тобояк. Нам пишут о ярмарке // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1923. Январь. № 2. С. 10.
- ¹⁷ Отчет Первой Свердловской Ярмарки 1925 г. Свердловск, 1925. С. 81.
- ¹⁸ Большая Советская Энциклопедия. По ред. О. Ю. Шмидта. Т. 29. М., 1935. Ст. 166.